

HAL
open science

О появлении остроготов и гепидов в Крыму и на Тамани в VI веке

Michel Kazanski

► To cite this version:

Michel Kazanski. О появлении остроготов и гепидов в Крыму и на Тамани в VI веке. Н.А. Алексеенко. Миры Византии *ΧΕΣΩΟΣ ΘΕΜΑΤΑ*. Vol. 2., Institut Arheologii Kryma, p. 15-34, 2019, 978-5-6042012-6-8. <hal-02187355>

HAL Id: hal-02187355

<https://hal.science/hal-02187355v1>

Submitted on 18 Jul 2019

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Российская Академия наук
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»
НИЦ истории и археологии Крыма
ФГАО ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ

Выпуск 2

МИРЫ ВИЗАНТИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Симферополь
2019

УДК 930.85(100)(082)

ББК 63/3(0)4z43

М – 62

МИРЫ ВИЗАНТИИ // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Выпуск 2. Сборник научных трудов / отв. ред. Н.А. Алексеенко. – Симферополь, 2019. 466 стр.

*Издаётся по решению Учёного Совета
Института археологии Крыма РАН*

Редакционная коллегия:

А.И. АЙБАБИН, профессор, доктор исторических наук, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь) – Главный редактор.

М.В. БИБИКОВ, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН (Москва).

В.В. МАЙКО, доктор исторических наук, Институт археологии Крыма РАН (Симферополь).

В.П. СТЕПАНЕНКО, профессор, доктор исторических наук, Уральский Федеральный университета (Екатеринбург).

Н.А. АЛЕКСЕЕНКО, dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne), кандидат исторических наук, Институт археологии Крыма РАН (Симферополь) – Ответственный редактор.

Сборник собран по материалам Международного Византийского семинара «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ Ι ΠΟΛΙΣ» 2014–2018 гг.

На основе письменных и археологических источников в трудах интернационального коллектива учёных освещается широкий круг вопросов политической, церковной, административной и культурной истории Византийской империи, средневековой Таврики и Херсона.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям и студентам ВУЗов, изучающим историю и культуру Византийской империи, историкам, археологам, краеведам и всем тем, кто интересуется древней историей.

УДК 930.85(100)(082)

ББК 63/3(0)4z43

© Коллектив авторов, тексты (2019)

© Алексеенко Н.А., составление, оформление (2019)

© Институт археологии Крыма РАН (2019)

ISBN 978-966-8738-29-6 (серия)

ISBN 978-5-6042012-6-8

М.М. КАЗАНСКИЙ

CNRS – UMR 8167 «Orient et Méditerranée»
(Paris, France)

**О ПОЯВЛЕНИИ ОСТРОГОТОВ И ГЕПИДОВ
В КРЫМУ И НА ТАМАНИ В VI ВЕКЕ**

ачиная с середины V в. в материальной культуре варварского населения Крыма и Тамани хорошо заметно влияние восточных германцев Балкан, Среднего Дуная и Италии. Так, в женском костюме Боспора Киммерийского и готской страны Дори в Юго-Западном Крыму отмечены предметы готского и гепидского происхождения, в основном VI в., а дериваты этих вещей хорошо известны в готских некрополях типа Суук-Су в Юго-Западном Крыму, VI–VII вв. [Амброз 1968; Айбабин 1990; Kazanski 1996; Засецкая 1998; 2005 и др.]. А.К. Амброз первым показал дунайское происхождение основных составляющих женского костюма крымских готов VI–VII вв. [Амброз 1968]. В то же время, совместно с Е.В. Веймарном, он выдвинул предположение, согласно которому многие предметы женского восточногерманского убора в Крыму появились вместе с семьями готских солдат, отправленных в Крым Юстинианом в 530–534 гг. из Мезии [Веймарн, Амброз 1980: 260]. В самом деле, в традиционных обществах женские украшения, входящие в состав «этнографического» убора, попадают за пределы конкретного социума, как правило, вместе с их носительницами [из последних работ см.: Мастыкова 2009: 7, там же библиография]. Поэтому гипотеза Амброза-Веймарна получила поддержку многих специалистов. Здесь я предлагаю дать краткую характеристику

основных категорий предметов традиционного итало-остроготского и гепидского женского убора, известных в Крыму¹, и постараюсь рассмотреть конкретный механизм их попадания сюда.

ОСТРОГОТЫ

Как мне уже приходилось писать, в Крыму засвидетельствована серия предметов женского убора, которые считаются характерными для итало-остроготского костюма VI в. [Kazanski 1996: 329, 330; Kazanski 1998a; Kazanski 1998b: 338, 339; Kazanski 1999; Kazanski 2009: 405–423].

В первую очередь, назовем пряжку, украшенную двумя птичьими головками, происходящую из Керчи, погребение 163 1904 г. (Рис. 1,1) [Засецкая 2005: Кат. 52]. По классификации Ф. Биербрауера она принадлежит итало-остроготскому типу Крайнбург (Krainburg). Пряжки этого типа известны по находкам в Италии, на территории современной Словении, тогда входившей в состав Остроготского королевства, а также в визиготской Испании и, наконец, в Керчи [Bierbrauer 1975: 143–145, Taf. LXIV,4, LXIX, LXXVII,2, 3; I Goti 1994: III.17]. В Италии встречаются и их дериваты [Bierbrauer 1975: Taf. LIV, LXIII,3].

Также к числу итало-остроготских относят большие пряжки с прямоугольным щитком, имитирующим декор *kerbschnitt*, типа Любляна-Дравле (Ljubljana-Dravle) (Рис. 1,2-4) [Bierbrauer 1975: 130–133]. Эти пряжки представлены в Италии и в Северном Иллирикуме составлявшими остроготское королевство [Bierbrauer 1975: Taf. LVIII,2, LXVI,2, LXXVI,8, XXXII,1]. Помимо находок, приведенных Ф. Биербрауером, назовем также пряжку из Книна (Knin) [Menghin et al. 1987: 435, Kat. X.7V; Vinski 1991: Tab. IX,1, XI,1]. Вне рамок гепидского королевства такая пряжка была найдена на гепидском могильнике Кистелек (Kistelek) [Csallány 1961: Taf. CXCv,10]. По находкам в Словении, в Крыму и в гепидском контексте эти пряжки датируются концом V – ранним VI вв. В Крыму такие пряжки известны в Керчи (Рис. 1,3)², Херсонесе, погребение 14 1914 г. (Рис. 1,2), Скалистом, погребение 5 и 198, Лучистом, погребение 64 (Рис. 1,4), Суук-Су,

¹ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Ирину Петровну Засецкую, любезно предоставившую мне возможность изучить и отфотографировать коллекцию керченских вещей в Государственном Эрмитаже, а также Александра Ильича Айбабина, щедро предоставившего мне фотографии некоторых крымских находок.

² Указания на Керчь или Тамань для вещей, происходящих из старых коллекций, условны, они даны по информации находчиков/продавцов и чаще всего означают место покупки предмета.

погребение 4 [Айбабин 1990: рис. 24,1-3, 5, 6; I Goti 1994: 134, 135, fig. П.54; Kazanski 1998: fig. 13,6; Kazanski 1998b: fig. 6,5; Хайрединова 2002: рис. 1,10, 13; Айбабин, Хайрединова 2014: табл. 232,3].

Большие пряжки с прямоугольным щитком и растительным декором, представлены в остроготской Италии находками в Турине [Götze 1907: Taf. 2,2] и Барете (Barete) [Bierbrauer 1975: Taf. L,1] (обе локализации сомнительны, хотя вещи явно происходят из Италии), относящимися по классификации Ф. Бирбрауера к группе А2, видимо, принадлежащей последней трети V и раннему VI вв. [Bierbrauer 1975: 130]. Подобные пряжки имеются и в Северном Причерноморье (Рис. 2). Они найдены в Гурзуфе (Рис. 2,4, 5), Суук-Су, погребение 169 и вне могил, Скалистом, погребение 683, Черной Речке, погребение 6, Чуфут-Кале, погребение 21, в Керчи (Рис. 2,1, 3), а также на Тамани (Рис. 2,2) [Menghin et al. 1987: 103, Кат; П.7; Айбабин 1990: рис. 24,4, 25; Kazanski 1996: fig. 13,5; Хайрединова 2002: рис. 1,11, 14; Menghin 2007: 306, I.16.1; Eger 2017: N 48].

Одна из пряжек с растительным декором на прямоугольном щитке, украшена кабошоном и четырьмя обрамляющими вставками из погребения Долгая Скала 1875 г. в Керчи (Рис. 2,3) [Айбабин 1990: рис. 26,1; Kazanski 1996: fig. 4,5]. Этот декор характерен для вещей из Италии и западной части Иллирикума, относящихся к группе Б остроготских пряжек по классификации Ф. Бирбрауера [Bierbrauer 1975: 145–149]. Можно назвать пряжки из Аквилеи (Aquilaia-Monastero), Барете, Беллуно (Belluno), а также Десаны (Desana), Пистолы (Pistola), Пьянкарани (Piancarani), Розара (Rosara), из провинции Романья, пряжки неизвестного происхождения из Италии и находки в Иллирикуме, такие как Унешич (Unešić) и Рифник (Rifnik) [Bierbrauer 1975: Taf. III,3, IX,1, XXIX,1, XXXVI,1, XLIX,1, 4, L,2, 3, LI,1, 3, LII,5, LIII,4, LXI,1, 3, LXII,1, 3, LXVI,1, 3, LXXVII, 4]. Помимо учтенных Ф. Биербрауером в 1975 г. пряжек, можно назвать предметы из погребения 173 могильника Книн (Knin) [Vinski 1991: pl. 21,1] и Фикароло (Ficarolo) [I Goti 1994: 186–188, Cat. III.21, III.61]. Одна такая пряжка происходит из погребения 1 некрополя III крепости Singidunum (современный Белград) [Ivanišević, Kazanski 2002: 116, 117, fig. 11], два раза на длительный срок занимаемой остроготами, приблизительно в 470–488 и 504–510 гг. Близкая пряжка была найдена в Паннонии, также в своё время занятой остроготами, в погребении 1 на могильнике Каполч (Kapolcs) [Dax 1980: 7. ábra].

В находках из Аквилеи и Романьи пряжки сопровождалась фибулами группы Бирбрауер II, которые были отнесены ко второй трети

VI в. [Bierbrauer 1975: 113, 151], что позволило Ф. Бирбрауеру датировать пряжки группы Б временем после 500 г. [Bierbrauer 1975: 152]. Погребение 1 в Сингидунуме содержало пару фибул типа Реджио Эмилия [Ivanišević, Kazanski 2002: 112, 113, fig. 8]. Такие фибулы могут быть датированы 480–500 гг. [Ivanišević, Kazanski 2002: 112, 113]. Пряжка из Десаны, как и весь клад, может принадлежать примерно тому же времени, эпохе Одоакра [см. Menke 1986: 242–245].

Самая большая категория находок, это фибулы Удине-Планис (Udine-Planis), вернее, их местные серии (Рис. 3). Данная группа пальчатых фибул с растительным декором выделена Ф. Бирбрауером среди итало-остроготских древностей первой трети VI в., [Bierbrauer 1975: 89–91]. Их дата в Италии определяется, в частности, по находке в составе клада из Реджио-Эмилия [о его хронологии см.: Baldini, Pinar Gil 2010], а также по находкам в контексте раннемеровингского времени в Сен-Мартен-де-Фонтене (Saint-Martin-de-Fontenay) и в Лёррах (Lörrach) в рамках 470/480–530 гг. (см. подробнее: Гавритухин 2011: 473, 479–481, там же библиография). Крымские находки были собраны А.И. Айбабиным и И.П. Засецкой [Айбабин 1990; Засецкая 1998; см. также: Werner 1961: Taf. 26, 108, 109; Menghin et al. 1987: 110, 1, 16.f; Andrási 2008: Cat. N 19, 20]. Такие фибулы зафиксированы в Херсонесе (Рис. 3,6), в Керчи (например: погребение 38 1876 г., могила Долгая Скала 1875 г., склеп 152 1904 г., погребение 180 1904, погребение 78 1907 г., погребение 1 1977 г.) (Рис. 3, 1-3, 7), в Лучистом (склепы 77, 176, 240) (Рис. 3,4), в поселке Родное под Севастополем, в Артеке, на Тамани (Рис. 3,5). Обобщающую работу по изучению фибул типа Удине-Планис и их дериватов провел И.О. Гавритухин. По его мнению, на базе итало-остроготского типа фибул после 530 г. формируются местные балканские и понтийские серии, в том числе боспорская, скорее всего, производившаяся на месте [Гавритухин 2011].

Среди других пальчатых фибул привлекают внимание застежки с рельефным декором в виде двух волнот на полукруглой головке и решетчатым декором на ножке из Керчи и Тамани (Рис. 4) [Menghin et al. 1987: 102, I, 5f; Menke 1986: Abb; 11, 1]. Они также имеют параллели в итало-остроготских древностях [Bierbrauer 1975: Taf. XLIV, 2, LXXXII, 3]. Впрочем, имеются такие фибулы и в Тюрингии, что осложняет остроготскую идентификацию данного типа. Это так называемый тип Рёйден (Reuden) по Г. Кюну [Kühn 1974: 749–757, Taf. 263, 66, 1-3, 5, 8, 10, 13; 264, 66, 14-20].

Появление остроготских вещей в Крыму уже давно поставлено в связь с прибытием сюда византийского воинского контингента,

частично состоявшего из готов. Речь идет о военной акции Юстиниана в 527/528 или 533/534 гг. против гуннов, захвативших Боспор Киммерийский [подробнее: Артамонов, 1962: 89, 90; Айбабин, 1999: 94–96]. Тогда, по свидетельству Феофана, военачальники Иоанн и Руфин с большим вспомогательным «скифским» войском по приказу Юстиниана направились на засевшего на Боспоре гуннского царя Муагериса/Мугеля. Одновременно из фракийского Одиссополя на гуннов двинулись по суше в поход отряды Годилы и Бадуррия. Гунны испугались и сбежали [Феофан; цит. по Чичуров 1980: 51]. Иоанн Никиусский, рассказывая о том же событии, указывает, что по морю был отправлен десант из готов и «скифов», под командованием Тулиана, и одновременно многочисленная конница под командованием Бадуррия двинулась на гуннов посуху [John, Bishop of Nikiu, Chronicle, XC.66]. Иоанн Малала подтверждает отправку войск на Боспор морем и по суше – под командованием Бадуррия, но не уточняет состав этих войск. Впрочем, несколько раньше он отмечает назначение Иоанна, упомянутого Феофаном, на должность комеса проливов Понта и придание ему для усиления многочисленных готов (The Chronicle of John Malalas, 18.14.432).

Возникает вопрос, что это за готы? Ими могут быть так называемые «малые готы», *Gothi Minores*, многочисленный, вопреки названию, народ, проживавший тогда в Мезии [Иордан 2001: 267]. Эти готы существуют еще в IX в. и продолжают говорить на своем *lingua theodisca*, как утверждал автор того времени Валлафрид Страбон [Вольфрам 2003: 40, 122]. Судя по работам болгарских археологов, в Мезии имеется некоторое количество остроготских вещей, в частности, пряжек типа Любляна-Дравле [Станев 2008: Табл. XXV,2; Naralambieva 2015: Fig. 2], пряжек с растительным декором [Станев 2008: Табл. XXIV,3, XXV,1; Naralambieva 2015: Fig. 12] и фибул типа Удине-Планис [Станев 2008: Табл. XI,3, XII,1, 2; Думанов 2012: Обр. 19, 20, 22; Naralambieva 2015: Fig. 3, 5]. Не исключено, что в Мезии Империя могла расселять готов, плененных в ходе Готской войны, и обременять их воинской службой, как это делалось в других частях Империи, например, в Египте [Zuckerman 2004: 170]. К. Цукерман приводит указания на сообщения Прокопия Кесарийского о наборе военнопленных готов в византийскую армию (см.: Прокопий, *Война с готами*, I. 10, 37, II. 11, 20, 28, 30 и т.д.). Привлечение к охране границ Империи на дальних рубежах только что захваченных военнопленных вполне соответствует стилю византийской военной политики. Об этом свидетельствует, например, депортация вандалов из Африки на

персидскую границу, организованная тем же Юстинианом (Прокопий, *Война с вандалами*, II.14.17,18).

Однако, вряд ли Юстиниан в экспедиции 527/528 или 533/534 гг. мог использовать этих военнопленных – Готская война началась только летом 535 г. Впрочем, ничто не мешало послать в Крым этих военнопленных позднее, так сказать, в подкрепление уже обосновавшимся там гарнизонам. Кроме того, как мы сейчас увидим, какая-то часть остроготов могла попасть в плен к византийцам уже в 530 г. в результате нападения на остроготский Сирмиум.

ГЕПИДЫ

Особую загадку представляют гепидские вещи, поскольку ни один письменный источник не говорит о каких-либо связях Крыма с гепидским королевством на Дунае. Это, прежде всего, большие поясные пряжки, украшенные орлиными головами [Засецкая 2005], которые входят в состав женского восточногерманского убора с парными двухпластинчатыми или пальчатыми фибулами. Крымские орлино-головые пряжки, несомненно, местного происхождения [Хайрединова 2000], хотя их самые ранние экземпляры, происходящие из Керчи и Тамани (Рис. 5), явно восходят к гепидским образцам первой половины – середины VI века. По классификации М. Надь [Nagy 2002] ранние крымские пряжки гепидского происхождения принадлежат двум типам. Пряжка из погребения 152 1904 г. в Керчи (Рис. 5,2) [Засецкая 2005: Кат. 50; Menghin 2007: 298, I.9.5] принадлежит «трансильванскому» типу I. Пряжка неизвестного происхождения из Керчи и покупка на Тамани (коллекция Запорожского) (Рис. 5,1, 3) [Засецкая 2005: Кат. 49, 51; Menghin 2007: 294, I.8.10] относятся к «дунайскому» типу III, распространенному в области Сирмия и в Мезии I, т.е. на территории современной северной Сербии. В Крыму пряжки типа III послужили прототипом для изготовления, начиная с VI в., местных дериватов [Засецкая 2005: 68, 69; Фурасьев 2009: 202, 203].

Кроме того, на Боспоре Киммерийском найдены пальчатые фибулы с растительным и геометрическим декором, в виде цепи, по терминологии А.К. Амброза, типичные для гепидов (Рис. 6). Две из них (Рис. 6,3, 4) обнаружены в коллективном захоронении, в контексте первой половины VI в. (Керчь, погребение 78 1907 г.) [Kazanski 1996: 330, 331; Засецкая 1998: 408, 455; Гавритухин, Казанский 2006: 304]. Они имеют параллели в гепидских древностях бассейна Тиссы [Kazanski 2013: 121]. Имеются и другие пальчатые фибулы с территории

Боспора Киммерийского (Рис. 6,1, 2), с декором на ножке в виде цепи [Амброз 1968: 16, 17, рис. 1,10, 12]. Они происходят из Керчи. Контекст одной из них неизвестен, вторая была найдена, согласно А.К. Амброзу, в погребении 66 1905 г., хотя в опубликованном отчете раскопок В.В. Шкорпила эта фибула не упоминается [Шкорпил 1909: 17]. Такие фибулы известны, в первую очередь, у гепидов Трансильвании, региона Сирмия и Мезии I [Kazanski 2013: 121].

Наконец, в Керчи найдены довольно большие пальчатые фибулы с растительным декором (Рис. 6,5-6) [Засецкая 1998: табл. VIII,112, 113]. Судя по размерам и общей морфологии, они принадлежат группе пальчатых фибул второй половины – конца V в. [ср. Bierbrauer 1991: 572–580, Abb. 19,1, 2, 4, Abb. 20,1,2, Abb. 21,1-44; Bierbrauer 1992: 270–272, Abb. 6,1, 2, 4, Abb. 7,1, 2, Abb. 8,1-4] и имеют наиболее близкие аналогии в Трансильвании [ср.: Kühn 1974: Taf. 243,4.26, Taf. 244, 4.29; Narhoiu 1998: Taf. CI, A,1].

Необходимо подчеркнуть, что достоверно гепидские вещи, найденные в Северном Причерноморье, датируются, в основном, концом V – первой половиной VI вв., более поздние импорты из Гепидии сюда не попадают, зато хорошо зафиксировано местное производство их имитаций и дериватов [многочисленные примеры: Айбабин 1990]. При этом в Крыму встречены пряжки и фибулы, характерные для всех трех групп дунайских гепидов, выделяемых по археологическим памятникам – трансильванской, тисской и сирмийской [см. карту: Ђопа 1976: 36, 37]. Подобные гепидские вещи встречены и в Мезии. Это, в частности, орлиноголовые пряжки [например: Vagalinski et al. 2000: Fig. 1–7; Станев 2008: Табл. XXII, XXIII,1, 2] или пальчатые фибулы с характерным декором в виде «цепи» [Станев 2008: Табл. XVI; Думанов 2012: Обр. 26–28]. Можно предположить, что эти элементы убора, а также их владельцы, попали в Крым морем, из Фракии, в то время подконтрольной Византии. Иные пути попадания гепидских вещей в Крым возможны, например, через Среднее Поднепровье, где гепидское влияние в VI в. проявляется в славянском фибульном уборе [см. подробнее: Казанский 2014], но они представляются мне менее вероятными.

Какие-либо данные письменных источников о контактах Крыма с гепидским королевством или же о присутствии гепидов в Крыму отсутствуют. Точно так же, нет никаких прямых свидетельств о присутствии гепидов Трансильвании или Тиссы на территории Византии. Зато для региона Сирмия (римская провинция Паннония II) сообщения древних авторов освещают некоторые аспекты византийско-

гепидских контактов [Pohl 1980: 288–301]. В первый раз гепиды занимают этот регион в 473–474 гг. и держат его до 504–505 гг., когда Сирмий захвачен остроготами. Нападение остроготов на гепидов спровоцировало войну между остроготами и Империей, покровительницей гепидов. В конечном итоге император Анастасий уступает Сирмий итало-остроготскому королевству в 510 г. Не исключено, что нападение остроготов на Сирмий в 504–505 г. вызвало миграцию гепидов в причерноморские провинции Византии, т.е. в Мезию II, но это лишь одна из возможностей. В самом деле гепиды, хотя бы частично, несомненно, остаются в области Сирмия под властью остроготского короля и даже участвуют в 523 г. в войне остроготов с бургундами в Галлии [Stein 1949: 250].

В 530 г. гепиды в союзе с герулами, при участии полевого командира Мунда и его бандитов и с молчаливого согласия византийского императора, атакуют остроготский Сирмий, однако их атака отбита. Тем не менее, в 535 г., в начале Готской войны, армия Юстиниана всё же занимает Сирмий. Вполне возможно, что захваченные в плен в ходе этой операции остроготы, а также их гепидские союзники, депортированы на восток, во Фракию, а, может быть, даже и в Крым. Действительно, по дате византийское завоевание Сирмия более или менее соответствует отправке юстиниановского экспедиционного корпуса на Боспор Киммерийский против захвативших его гуннов. Военная депортация готов и гепидов в Крым около 535 г., вместе с их семьями, может быть причиной появления в Северном Причерноморье восточногерманского костюма с пальчатыми фибулами, включавшего как остроготские, так и гепидские элементы [Веймарн, Амброз 1980: 260].

Не позднее 537 г. гепиды вступают в конфликт с Империей и захватывают Сирмий, а в 539 г. они побеждают византийскую армию Каллыуса и убивают самого полководца. В 541 г. присутствие гепидов отмечено в гвардии короля италийских остроготов.

Таким образом, в ходе Готской войны гепиды занимают по отношению к Византии откровенно враждебную политику, что вполне оправдывает их депортацию из Сирмия. Война между гепидами и союзными Византии лангобардами в 549–552 гг. еще более усугубляет вражду Юстиниана к гепидам. Наконец, в 567 г. авары громят гепидское королевство и захватывают провинцию Паннония II [Demougeot 1979: 835, 836]. Можно предположить, что некоторое количество гепидов, захваченных в плен лангобардами и византийцами в 549–550 гг., а также беженцы, ушедшие от аварского нашествия, могли оказаться на

византийской территории, а впоследствии и в Крыму. Но к этому времени элементы гепидского костюма уже прочно вошли в состав крымского варварского убора, насколько можно судить по закрытым погребальным комплексам. У нас есть основания связать распространение предметов гепидской материальной культуры с военно-политическими событиями в регионе Сирмия в 504–535 гг.

Итак, гепидские и остроготские вещи, скорее всего, попали в Крым в результате перемещения варваров в рамках византийской военной политики. Вполне возможно, что в депортации этих варваров в Северное Причерноморье роль перевалочного пункта играла Мезия, где в эпоху Юстиниана формировался воинский контингент для отправки на северные берега Понта.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- АЙБАБИН А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – Симферополь, 1990. Вып. I: 3–86, 175–241.
- АЙБАБИН А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999.
- АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Могильник у села Лучистое. Том II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 годов. – Киев, 2014.
- АМБРОЗ А.К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.) // КСИА. – М., 1968. Вып. 113: 10–23.
- АРТАМОНОВ М.И. История хазар. – Л., 1962.
- ВЕЙМАРН Е.В., АМБРОЗ А.К. Большая пряжка из Скалистинского могильника (склеп 288) // СА. – М., 1980. № 3: 247–262.
- ВОЛЬФРАМ Х. Готы. – СПб., 2003.
- ГАВРИТУХИН И.О., КАЗАНСКИЙ М.М. Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V–VI вв. // АВ. – СПб., 2006. Т. 13: 297–344.
- ГАВРИТУХИН И.О. Фибулы типа Удине-Планис // Петербургский апокриф. Послание от Марка / отв. ред. О.В. Шаров. – СПб.; Кишинев, 2011: 463–490.
- ДУМАНОВ Б. Долнодунавските готски паметници, украсени с *Kerbschnitt*. Фибули // Годишник на департамент «Археология» VII: Селищна Археология. – София, 2012: 112–151.
- ЗАСЕЦКАЯ И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. – Симферополь, 1998. Вып. VI: 394–478.

- ЗАСЕЦКАЯ И.П. О хронологии и взаимосвязи орлиноголовых пряжек из Боспорского некрополя и южнокрымских могильников раннесредневекового периода // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2005. Вып. 7: 57–102.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов. GETICA / латинский текст, вступительная статья, пер., комм. Е.Ч. Скржинской. – СПб., 2001.
- КАЗАНСКИЙ М.М. Славяне и дунайские германцы в VI веке: свидетельства письменных источников и некоторые археологические данные // Е.П. Токарева, В.Г. Лушин (отв. ред.). Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография. Кн. I (ММХIV). – Зимовники, 2014: 175–200.
- МАСТЫКОВА А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV– середине VI вв. – М., 2009.
- СТАНЕВ А. Източногермански паметници от територията на балканските провинции на Източна Римска империя (V–VI век) / дисертационен труд за присъждане на образователна и научна степен «доктор». – София, 2008.
- ФУРАСЬЕВ А.Г. Этнокультурные особенности населения Южного Крыма в VI – начале VII в. н.э. (По материалам женского костюма) // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / отв. ред. А.Г. Фурасев. – СПб., 2009: 190–235.
- ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. – Симферополь, 2000. Вып. VII: 91–133.
- ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. – Симферополь, 2002. Т. IX: 53–118.
- ЧИЧУРОВ И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, Бревиарий» Никифора / Тексты, перевод, комментарий. – М., 1980.
- ШКОРПИЛ В.В. Отчёт о раскопках в Керчи в 1905 г. // ИАК. – СПб., 1909. Т. 30: 1–50.
- ANDRÁSI J. The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum und Related Material. – London, 2008.
- BALDINI LIPOLIS I., PINAR J. Osservazioni sul tesoro di Reggio Emilia // С. Ebanista, М. Rotili (ed.), L'Italia e il Mediterraneo tra il V secolo e la metà del VI. – Ciùmitile, 2010: 113–128.
- BIERBRAUER V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. – Spoleto, 1975.
- BIERBRAUER V. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien) – Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Funds toffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. – Mainz, 1991. Bd. 38: 541–592.
- BIERBRAUER V. Historische Überlieferung und archäologischer Befund. Ostgermanische Einwanderer unter Odoaker und Theoderich nach Italien. Aussagemöglichkeiten und Grenzen der Archäologie // K. Godlowski, R. Madyda-Legutko (dir.), Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. – Kraków, 1992: 262–277.

- BÓNA I. A l'aube du Moyen Age. Gépides et Lombards dans le bassin des Carpates. – Budapest, 1976.
- The Chronicle of John Malalas / Engl. translation by E. Jeffreys, M. Jeffreys, M. Scott. – Melbourne, 1986.
- CSALLANY G. Archäologische Denkmäler der Gepiden in Mitteldonauraum (454–568 u.Z.). – Budapest, 1961.
- DAX M. Keletí germán női sírok Kapocson // A Veszprém Megyei Múzeumok Közleményei. – Veszprém, 1980. Vol. 15: 97–106.
- DEMOUGEOT E. La formation de l'Europe et les invasions barbares. II.2. De l'avènement de Dioclétien au début du VIe siècle. – Paris, 1979.
- EGER C. Goldenens Zeitalter. 100 Meisterwerke der Völkerwanderungszeit. – Köln; München, 2017.
- GÖTZE A. Germanische Funde aus der Völkerwanerungszeit. Gotische Schnallen. – Berlin, 1907.
- I Goti. – Milano, 1994.
- HARALAMBEVA A. East Germanic Heritage on the Western Littoral of the Black Sea. Bow-Broches of the Szekszárd - Palánk und Udine-Planis as Archaeological Evidence // T. Vida (ed.), Romania Gothica II. The Frontier World Romans, Barbarians and Military Culture. – Budapest, 2015: 577–583.
- HARHOIU R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. – Bukarest, 1998.
- IVANISEVIC V., KAZANSKI M. La nécropole de l'époque des Grandes Migrations à Singidunum // Singidunum. – Belgrade, 2002. Vol. 3: 101–157.
- John, bishop of Nikiu. Chronicle (engl. translation by R.H. Charles). – London, 1916 / Электронный ресурс: http://www.tertullian.org/fathers/nikiu2_chronicle.htm#225 (дата обращения 5.01.2016 г.).
- KAZANSKI M. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. // МАИЭТ. – Симферополь, 1996. Вып. V: 324–337, 567–581.
- KAZANSKI M. Les relations de la Crimée avec l'Europe centrale et orientale durant Ve–VIe siècles // Bulletin de Liaison de l'Association Française d'Archéologie Mérovingienne. – Paris, 1998a. Vol. 22: 78–95.
- KAZANSKI M. Les Barbares à Chersonèse (Ve–VIe s.) // Eupsikhia. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler. – Paris, 1998b: 329–344.
- KAZANSKI M. Die Krim und ihre Beziehungen zu Mittel- und Westeuropa im 5. und 6. Jahrhundert // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. – Heidelberg, 1999: 94–101.
- KAZANSKI M. Archéologie des peuples barbares (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi V). – Bucarest; Brăila, 2009.
- KAZANSKI M. Les Gépides et la Crimée // Starinar. – Beograd, 2013. Vol. LXIII: 115–130.
- KÜHN H. Die Germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz. – Graz, 1965.

- KÜHN H. Die Germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. – Graz, 1974.
- MENGHIN W. (dir.). Merowingerzeit -Europa ohne Grenzen. Archäologie und Geschichte des 5. bis 8. Jahrhunderts. – Berlin, 2007.
- MENGHIN W., SPRINGER T., WAMERS E. (Hrsg.) Hunnen und Avaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. – Nürnberg, 1987.
- MENKE M. Archäologische Befunde zu Ostgoten des 5. Jahrhunderts in der Zone nordwärts der Alpen // J. Kmiecinski (red.), Peregrinatio Gothica (Archaeologia Baltica VII). – Lodz, 1986: 239–281.
- NAGY M. Die Gepidischen Adlerschnallen und ihre Beziehungen // Budapest Régiségei. – Budapest, 2002. Vol. XXXVI: 363–392.
- POHL W. Die Gepiden und die gentes an der mittleren Donau nach dem Zerfall des Attilareiches // H. Wolfram, F. Daim (Hrsg.), Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert. – Wien, 1980: 239–305.
- STEIN E. Histoire du Bas-Empire. Tom II. De la disparition de l'Empire d'Occident à la mort de Justinien (476–565). – Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949.
- VAGALINSKI L., ATANASSOV G., DIMITROV D., Eagle-Head Buckles from Bulgaria (6th–7th centuries) // Archaeologia Bulgarica. – Sofia, 2000. Vol. IV/3: 78–91.
- VINSKI Z., Razmatranja o iskopavanjima u Kninu na nalazištu Greblji // Starohrvatska Prosvjeta 19 (ser. III). – Split, 1991: 5–74.
- WERNER J., Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitlicher Schmuck). Band 1. Die Fibeln. – Berlin, 1961.
- ZUCKERMAN C. Du village à l'Empire. Autour du registre fiscal d'Aphroditô (525/526). – Paris, 2004.

M.M. KAZANSKY

CNRS – UMR 8167 «Orient et Méditerranée»
(Paris, France)

**THE ARRIVAL OF THE OSTROGOTHS AND THE GEPIDS
IN THE CRIMEA AND THE TAMAN PENINSULA
IN THE SIXTH CENTURY**

Abstract. The material culture of the barbarian residents of the Crimea and the Taman peninsula in the fifth and sixth centuries clearly reflected the influence from the Eastern Germanic populations of the Balkans, Middle Danube Area, and Italy. Their women's costume featured the items of Gothic and Gepidic origin. Most likely, the Gepidic and Ostrogothic artefacts appeared in the Northern Black Sea Area in result of a migration of the barbarians caused by Byzantine military policy. It is possible that Moesia became a transit place in the movement of these barbarians to the Northern Black Sea Area, since some military contingent was formed there to leave for the northern shores of the Pontos.

Key words: Northern Black Sea Area, Great Migration Period, Ostrogoths, Gepids, women's costume, Byzantine military policy.

Аннотация. В материальной культуре варварского населения Крыма и Тамани в V–VI веках хорошо заметно влияние восточных германцев Балкан, Среднего Дуная и Италии. В женском костюме отмечены предметы готского и гепидского происхождения. Гепидские и остроготские вещи, скорее всего, попали в Северное Причерноморье в результате перемещения варваров в рамках византийской военной политики. Вполне возможно, что в депортации этих варваров в Северное Причерноморье роль перевалочного пункта играла Мезия, где формировался воинский контингент для отправки на северные берега Понта.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, эпоха переселения народов, остроготы, гепиды, женский костюм, военная политика Византии.

Об авторе:

Михаил Михайлович Казанский,

Docteur habilité, Directeur de Recherche de 2e classe

CNRS – UMR 8167 «Orient et Méditerranée» (Paris, France)

E-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Сфера интересов: археология эпохи Великого переселения народов.

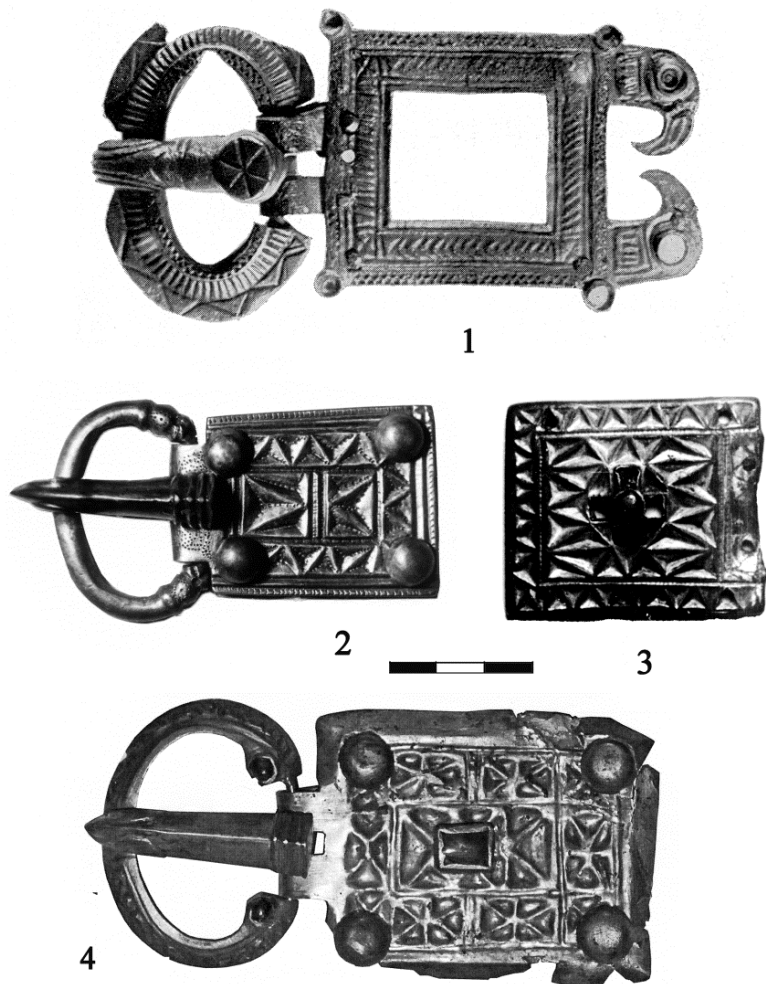

Рис. 1. Пряжки остроготской традиции из Крыма.
1: Керчь, погребение 163 1904 г. (по Vierbrauer 1975: Taf. LXXVII,2);
2: Херсонес, погребение 14 1914 г. (фото А.И. Айбабина);
3: Керчь (ГЭ, фото М.М. Казанского);
4: Лучистое, погребение 64
(по Айбабин, Хайрединова 2014: Табл. 232,3).

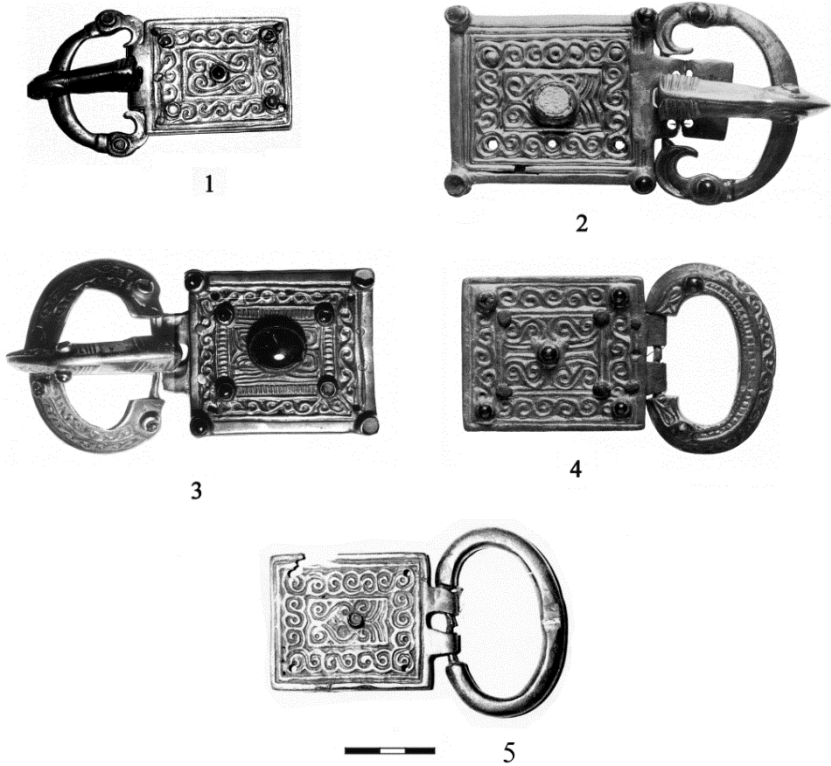

Рис. 2. Пряжки остроготской традиции с растительным декором из Северного Причерноморья.
1: Керчь, находка 1867 г. (по Menghin 2007: 306, I.16.1);
2: Тамань (по Menghin et al. 1987: 103, I.7);
3: Керчь, погребение Долгая Скала 1875 г. (ГЭ, фото М.М. Казанского);
4, 5: Гурзуф
(4 - по Menghin et al. 1987: 103, I.7; 5 - ГЭ, фото А.И. Айбабина).

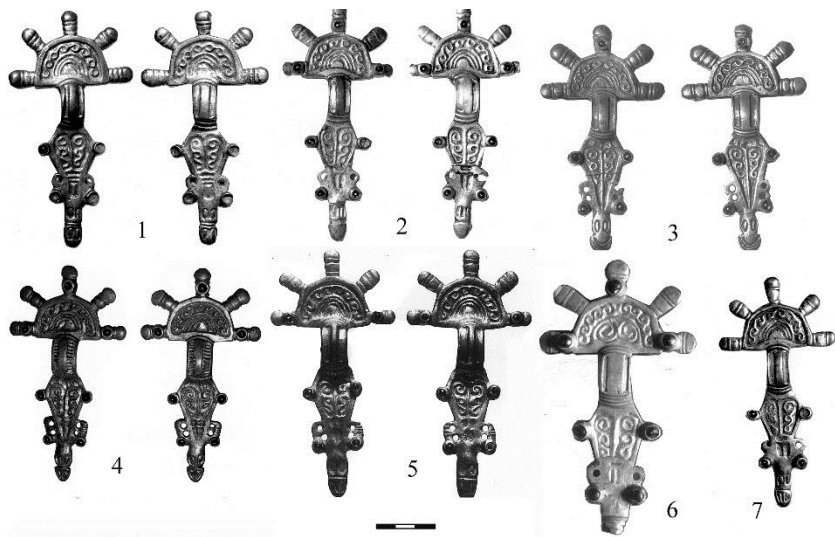

Рис. 3. Пальчатые фибулы типа Удине-Планис
из Северного Причерноморья:

- 1: Керчь, погребение 180 1904 г. (ГЭ, фото М.М. Казанского);
- 2: Керчь, погребение 78 1907 г. (ГЭ, фото М.М. Казанского);
- 3: Керчь, погребение Долгая Скала 1875 г. (ГЭ, фото М.М. Казанского);
- 4: Лучистое, склеп 77 (по Айбабин, Хайрединова 2014: Табл. 245,3, 6);
- 5: Тамань (по Werner 1961: Taf. 26,108);
- 6: Херсонес (фото А.И. Айбабина);
- 7: Керчь, погребение 38 1876 г. (ГЭ, фото М.М. Казанского)

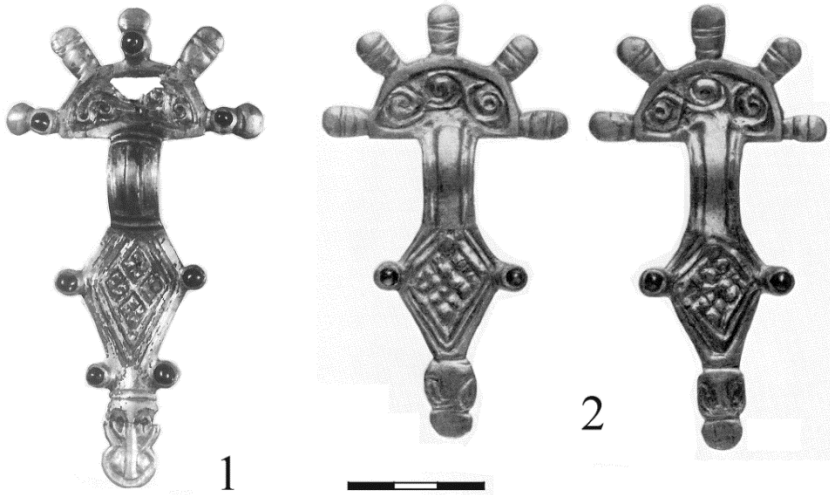

Рис. 4. Пальчатые фибулы с «решетчатым» декором на ножке из Северного Причерноморья.

1: Тамань (по Kühn 1965: Taf. 78, Abb. 12,b);

2: Керчь (по Werner 1961: Taf. 30,119).

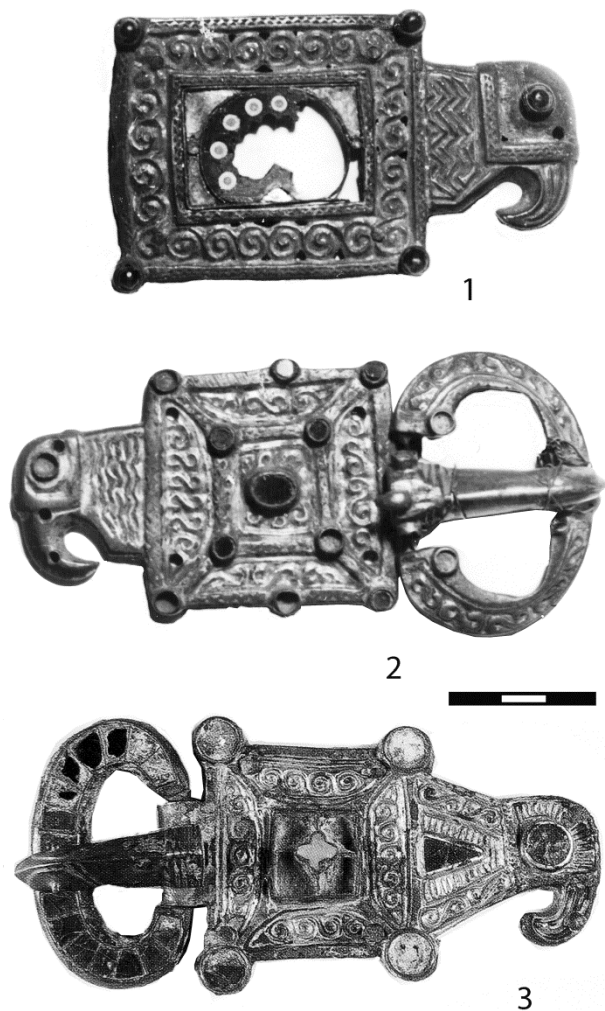

Рис. 5. Гепидские орлиноголовые пряжки из Северного Причерноморья.
1: Тамань (ГЭ, фото М.М. Казанского);
2: Керчь, погребение 152 1904 г. (ГЭ, фото М.М. Казанского);
3: Керчь, неизвестного происхождения (по Menghin 2007: 294,I.8.10.).

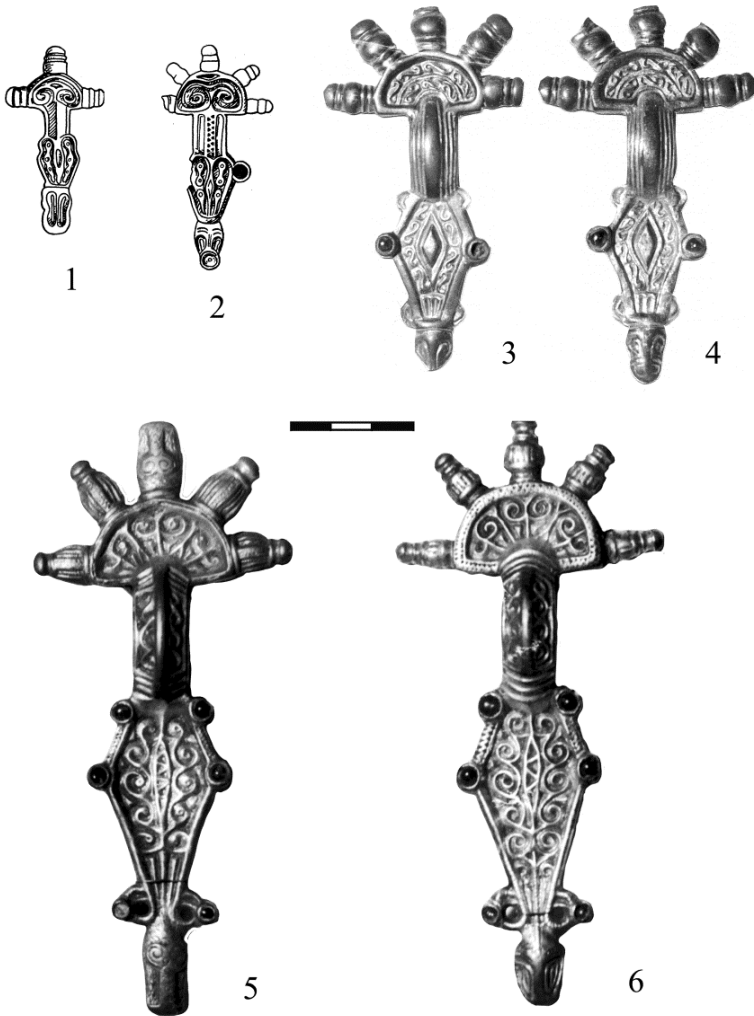

Рис. 6. Гепидские фибулы из Крыма.
1, 2, 5, 6: Керчь, происхождение неизвестно
(1, 2 - по Амброз 1968: рис. 1, 10, 12;
5, 6 - ГЭ, фото М.М. Казанского);
3, 4: Керчь, погребение 78 1907 г.
(ГЭ, фото М.М. Казанского)